

SOCIAL-PHILOSOPHICAL AND ETHICAL IMPLICATIONS OF THE ORIGIN OF DELINQUENCY: DELINQUENT AS A PRODUCT OF SCIENTIFIC PSYCHOLOGY AND PRISON INSTITUTE

Izmailova V.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ И ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДЕЛИНКВЕНТНОСТИ: ДЕЛИНКВЕНТ КАК ПОРОЖДЕНИЕ НАУЧНОЙ ПСИХОЛОГИИ И ИНСТИТУТА ТЮРЬМЫ

Измайлова В. Г.

*Измайлова Варвара Глебовна / Izmailova Varvara – магистрант;
направление: философия, кафедра социальной философии и философии истории,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва*

Аннотация: в данной статье поднимается проблема реализации проекта определения преступных черт в социальных явлениях, что ставит задачу рассмотрения исторических трансформаций от понятия преступника как лица, совершившего преступный акт, к делинквенту - лицу, обладающему существенными преступными свойствами личности. В основу исследования положены идеи Мишеля Фуко об исторической связи власти и знания. Анализируются этические аспекты исторического возникновения делинквентности, а также влияние возникновения научной психологии и тюрьмы в этих социальных процессах.

Abstract: this article raises the problem of implementation the project definition of criminal traits in social phenomena, that puts the task of reviewing the historical transformation of the concept the offender as a person has committed a criminal act to the delinquent - the person having the substantial criminal properties of the personality. The research is based on the ideas of Michel Foucault about the historical connection of power and knowledge. The author analyzes the ethical aspects of the historical occurrence of delinquency, as well as the influence of the appearance of scientific psychology and prisons in these social processes.

Ключевые слова: власть, делинквент, дисциплинарные практики, тюрьма, паноптикум, этика добродетелей, этика долга, суд над животными, моральное сознание.

Keywords: power, delinquent, disciplinary practices, prison, panopticon, virtue ethics, duty-based ethics, animal trial, moral consciousness.

Смещение акцентов при определении преступности со времен Средних веков и феодального социально-экономического уклада к Новому времени и капиталистической социально-экономической формации демонстрирует, что контроль за человеком выстраивается уже больше не постфактум, а перед возможным преступлением, как замечает французский мыслитель Мишель Фуко в труде «Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы». То, что делает тюрьма в отношении преступника, стремится и сделать власть в мирное время по отношению к гражданскому обществу - полицейский аппарат круглосуточно дежурит, наблюдая за тем, все ли на своих местах, все ли ведут себя, как следует сообразно закону. Стоит присмотреться и понять, что, к примеру, образование (школа и университет), медицина являются одними из жесточайших сфер дисциплинирования личности. Вся система дисциплины в разных институтах и учреждениях имеет целью воспроизводства человека определенного типа, человека носителя определенных норм. И максимальным выражением такого контроля, который не уничтожает преступника, а берет его под контроль перевоспитания, является тюрьма.

Крайней формой демонстрирующей сущность тюремного заключения является проект идеальной тюрьмы Иеремии Брентама - паноптикум, который строит надзор за заключенным согласно определенной архитектуре здания и зрения. Наблюдаемость заключенного 24 часа в сутки, его максимальная безоружность, связанная с полным отсутствием автономии, максимальная закрытость пространства, в котором он оказывается за свой проступок – все это заставляет перевоспитываться, молить о пощаде Бога. Это осуществление некоторых практик раскаяния перед лицом мира, от которого заключенный закрыт, поскольку полностью ограничен в действии, но для которого он максимально открыт, поскольку он наблюдаем ежесекундно. Заключенный паноптикума не видит наблюдателей, не видит тюремного надзирателя, но тот может наблюдать за ним в любую секунду [1, с. 243-249]. Пожалуй, если говорить образно, именно к этому и стремится власть с его полицейский аппаратом – максимально осуществлять наблюдение за обществом.

Развитие психологии как науки, судебной медицинской экспертизы и тюрьмы является как раз в связке с этими стремлениями проникнуть в душу человека для предотвращения того, что может быть «общественно опасным». Отсюда вытекают две интересных мысли.

Этические основания исторического появления фигуры делинквента.

Теоретически значимым является этический вопрос о трансформации архаичного правила талиона (правило, по которому возмездие должно строго соответствовать нанесенному ущербу [2, с. 109-123]). С первобытности чисто материальный характер долга трансформируется через золотое правило морали и ветхозаветные заповеди любви к ближнему в новоевропейский категорический моральный императив, берущий свое начало из сферы разума [3]. Этика добродетелей или этика доблестей (античная, которую подробно развил Аристотель) заключалась в оценке членов древнегреческого полиса по доблестям, а доблести были хоть и свойством личности, но свойствами, которые подтверждались постоянными поступками, постоянными действиями: «Наше определение, стало быть, согласно с [мнением] тех, кто определяет счастье как добродетель или как какую – то определённую добродетель, потому что добродетели как раз присуща деятельность сообразно добродетели. ... Ибо может быть так, что имеющийся склад [души] не исполняет никакого благого дела, скажем, когда человек спит или как – то иначе бездействует, а при деятельности это невозможно, ибо она с необходимостью предполагает действие, причём успешное» [4, с. 66-67]. Когда исторически появляется этика долга основание быть моральным помещено внутри самого человека: согласно идее Иммануила Канта, мы судим человека по мотивам, полагая свободу как свойство воли всех разумных существ [5, с. 291-292]. Но, сколько бы мы ни говорили, что для И. Канта категорический императив («поступай только согласно такой максимуме, руководствуясь которой ты, в то же время, можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» [5, с. 260]) - это императив будущего, нам необходимо понимать смысл такой перемены акцентов в этике для настоящего. А вывод говорит о том, что если я универсализую свой поступок, задумываясь о том, может ли он стать всеобщим законом, то я уже исхожу из существующих законов и культуры, в которой они приняты. И если я универсализую не сообразно тому, что принято в данный момент в рамках нормативной культуры, то я мгновенно выпадаю из поля морального, значит, мои мотивы все-таки не чисты.

Мотив - важный элемент установления виновности подсудимого, он был и в средневековье с его зверствами. М. Фуко выдвинул очень важный тезис в его лекциях, прочитанных в 1974-1975 гг. в Коллеж де Франс «Ненормальные», о том, что изначальная судебная медицинская экспертиза была выявлением одного важного факта - являлся ли человек на момент совершения преступления в состоянии сознания, то есть, совершал ли он осознанно поступок: «В самом деле, я попытался показать вам, что в терминах Уголовного кодекса 1810 г., в тех самых формулах знаменитой 64-й статьи, где нет ни преступления, ни правонарушения, если индивид в момент их совершения был в состоянии помутнения рассудка» [6, с. 53-54]. Связано ли было его действие с рациональным целеполаганием, или оно аффективно, иррационально в высшей степени, если взять классификацию действия Макса Вебера [7, с. 104].

С другой стороны, средневековая судебная практика распространяла свое действие не только на представителей человеческого рода, но и на животных. От признания животных участниками правовых отношений, до констатирования наличия у них юридической ответственности за их деяния начиная с 13 века, главным образом во Франции (имели место в Германии, Испании, Англии и Нидерландах) до 19 века [8, с. 508-511]. Эта практика судов над животными представляется весьма противоречивой. С одной стороны, наличествует акт преступления, который рассматривается судебным аппаратом, устанавливая осознанность или не осознанность деяния. С другой стороны суд над неразумными существами. Было бы тотальной ошибкой забывать про религиозность мышления обывателя Средневековой Европы. Важным является понимание, что преступление в Средние века - это акт нарушения тварного порядка вещей и животное, активность которого приводит к появлению преступления, автоматически попадает под рассмотрение суда в целях наказания и восстановления порядка в мире, оно наделяется автоматическим правом нести ответственность за свои поступки. Здесь не возникнет сильного противоречия, если мы вспомним, что в средневековье человек, совершивший преступление тоже сразу виновен, его степень «виновности» варьируется далее в ходе процедур установления обстоятельств, состояния сознательности, наличия улик. Эта размытость границ разумности, демонстрирует примат преступного действия над практикой установления сущностного свойства преступного характера.

С появлением психологической науки и ее внедрения в судебное дело с середины 19 века, мы имеем сложную систему установления мотива человека, причин его возникновения, ожидаемых выгод, издержек и вреда - производство делинквента идет в тесной связке производства нормальности. Производство нормальности является теоретической и практической деятельностью по формированию понятий нормального/ не нормального касательно психической структуры индивида, его поведенческих особенностей, его свойств личности и наклонностей. Например, представитель уголовной антропологии Чезаре Ламброзо детерминистическую, чисто биологическую трактовку понимания человека с отклоняющимся поведением: «Доказано, что действительно существуют типы преступников, которые в свою очередь подразделяются на типы: мошенников, воров, убийц. В последнем сосредоточены все характерные черты, тогда как в других они менее резки. В этом типе ясно видны анатомические особенности преступника и, в частности, весьма резкие лобные пазухи, очень объемистые скулы, громадные глазные орбиты, птелеиформный тип носового отверстия, лемуров придаток челюсти» [9, с.

153]. Можно сказать, что рациональность становится не просто характеристикой действия, но и субъекта. Далеко выходя за рамки отдельного преступления, судебная система стремится проникнуть глубже для понимания души человека, что даст ей понимание, как его наказывать - как осуществить такое наказание, которое не затронет тело, но повлияет на эту грешную, преступную душу. Человечество не нашло ничего лучше для реализации этой программы нежели чем тюрьма.

Философские аспекты возникновения тюрьмы как инстанции по работе с делинквентом.

Следующая важная мысль связана с функциями тюремного аппарата. Тюрьма перенимает осужденного из рук правосудия, но она действует уже не на правонарушение. Тюремный аппарат заинтересован теми переменными величинами, о которых мы говорили выше - о личности, душе, свойствах того субъекта, который совершил преступное деяние. Этот другой персонаж, которым тюремный аппарат заменяет осужденного правонарушителя, - делинквент [1, с. 337]. Делинквента нужно различать от преступника, поскольку его характеризует не его действие в чистом виде, а вся его жизнь. Этот тезис можно продемонстрировать внутренним раздвоением морального сознания преступника связанным с внутренней тревогой. Анри Бергсон, французский философ, представитель философии жизни, выстраивая концепцию этики четко видел различие и одновременно тесную связь между социальным Я и индивидуальным Я. Тревога преступника - это не просто боязнь наказания, желание, чтобы его личность была не установлена, но это желание, чтобы его личность не была трансформирована, чтобы его душа оставалась прежней. Речь идет о том, чтобы «стереть прошлое и сделать так, как будто преступление не было совершено» [10, с. 15]. Социум может не знать о совершенном, но наличествует собственное знание преступника, которое не является чисто индивидуальным «я совершил преступление», оно является более сложным воспоминанием, неразрывным от социального и культурного контекста, в котором преступник находится. И его знание о себе все больше дистанцирует его от привычного образа жизни, как если бы общество ментально его осуждало в его же голове. В этом и заключается социальное Я. И то смещение в правовой практике, о котором мы говорим выше, является трансформацией в сторону манипулирования властью этим чувством социальной моральности, социального осуждения. Таким образом, совершение преступления - это акт необратимого преобразования себя, производство нового себя, посредством социального - «Я» конструируется отталкиваясь от понятий, норм, стереотипов социума. И преступник сам себя изолирует от общества, поскольку знание о совершенном не позволяет ему вести коммуникацию и действовать, как прежде. И, к примеру, часто это является причиной прихода с повинной в правоохранительные органы, раскаяния перед близкими или священником, самоубийства и так далее. Конечно, переживание морального сознания не новоевропейское явление. Дело в том, что теперь имеется нацеленность власти именно воспроизводить его (преступник должен постоянно находиться в состоянии перевоспитания связанного с осознанием своей вины) и использовать в своих целях (пометить человека, как морально больного, сделать переживание преступления новой сущностной чертой, которая должна постоянно определять место, роль человека и отношение к нему в обществе). Можно сказать, что это индивидуальное Я, которое трансформируется после совершения преступления в тесной связи с социальным Я, и есть делинквент. Это тот, чье отклоняющееся поведение становится для него неотделимой чертой личности. И именно на него нацелена тюрьма как социальный институт, когда мы говорим уже не о самоосуждении, а осуждении со стороны общества.

Сама функция принудительного заточения, продолжительного изъятия из социума лица, совершившего преступление, отстранение его от общественной жизни, которую выполняет тюрьма, является собой новый вид наказания. Тюрьма не являет собой отрицательной силой, действительно, она отрицает свободу действия и перемещения, но она являет собой более сложный механизм, воздействующий не только на тело, но и на душу, на образ мысли, на мировоззрение. Тюрьма - это перевоспитывающая структура: заключенный не является исключенным из общества, он является участником, над которым осуществляются различного рода практики, направленные на то, чтобы вытеснить из него все «порочное», «преступное», «вредоносное» для общества. Тюрьма не исключает, она фиксирует, воспроизводит и применяет целый набор дисциплинирующих и воспитательных практик по отношению к своему субъекту, ею же конструируемому. Делинквент - это понятие не акта, а свойства личности, поведения человека. Тесно связанное с правом и юридической практикой, оно становится возможным благодаря внедрению в правоохранительные практики психологического понимания наклонностей и свойств человека. Это смещение акцентов дает нам уже не определение преступного действия, а понятие преступной личности, понятие подобное девиантному поведению, которое трактуется, как отклоняющееся поведение в обществе. Но в случае с девиантным поведением имеются различного рода отклонения от принятых обычаев, социальных стереотипов, незакрепленных правом норм, норм морали, религии. В случае же с делинквентностью имеется в виду общественно опасное поведение, поскольку личность, которая обладает этим родом психологическими отклонениями способна на преступное действие, на крайнюю форму нарушения формального порядка, установленного властью и

формально обязательного для каждого члена того или иного государства как члена правовых отношений и обязанностей.

Литература

1. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 416 с.
2. Лафарг П. Экономический детерминизм Карла Маркса. М.: Московский рабочий, 1923. 334 с.
3. Апресян Р. Г. Талион и золотое правило (Критический анализ сопряженных контекстов) // Вопросы философии, 2001. № 3. С. 72-84.
4. Аристотель. Никомахова этика // Сочинения: В 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 830 с.
5. Кант И. Основы метафизики нравственности // Сочинения в шести томах. Т. 4. Ч. 1. М.: «Мысль», 1965. 448 с.
6. Фуко М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974-1975 учебном году. СПб.: Наука, 2005. 432 с.
7. Вебер М. Основные социологические понятия // Теоретическая социология. Антология. В двух т. Т. 1. М.: Книжный дом «Университет», 2002. С. 70-146.
8. Гуревич А. Я. Судебные преследования животных // Словарь средневековой культуры. М., 2003. С. 508-511.
9. Ломброзо Ч. Новейшие успехи науки о преступнике. // Преступление. Новейшие успехи науки о преступнике. Анархисты. М.: ИНФРА-М, 2004. 320 с.
10. Бергсон А. Два источника морали и религии. М.: «Канон», 1994. 384 с.